

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАЧАЛО В ПОЭМАХ Ю.П. КУЗНЕЦОВА 1970-х гг.

С. Ю. Николаева, В. А. Редькин

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье рассматривается своеобразие проявления фольклорного начала в поэмах Ю. П. Кузнецова 1970-х гг. выявляются отличия поэтики фольклоризма Ю. П. Кузнецова от жанрово-стилевых особенностей поэм С. Наровчатова, Н. Рыленкова, Н. Старшинова, О. Фокиной, Н. Рубцова, А. Вознесенского того же периода. Утверждается, что следование фольклорной традиции – один из путей достижения подлинной народности, выражения национального духа, создания эпических по сути произведений и воплощения глубокого лиризма. Модернистский подход к фольклорным источникам разрушает цельность и целостность поэмы как жанра. Делается вывод о том, что в процессе творческой эволюции Ю. П. Кузнецов двигался от народнопоэтической, фольклорной системы изобразительно-выразительных средств в ранних поэмах к художественному наследию древнерусской литературы и к библейским источникам в поэмах зрелого и позднего периодов.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, С. Наровчатов, Н. Рыленков, Н. Рубцов, А. Вознесенский, фольклор, фольклоризм в литературе, поэма, русская поэма 1970-х гг.

«Жанровая система поэмы как разновидности лиро-эпоса на современном этапе литературного развития сохраняет большой потенциал» [5, с. 76] и порождает все новые и новые формы и типы. Ассоциативно-метафорическая форма поэмы, к которой тяготел на протяжении всего творческого пути Ю. П. Кузнецов, «открывает перед современным лиро-эпосом широкие возможности в изображении внешнего эпического мира, который может воплощаться по-разному в зависимости от особенностей мировоззрения и мировосприятия поэта, его ориентации на ту или иную систему средств выразительности» [Там же, с. 77].

В процессе творческой эволюции Ю. П. Кузнецов двигался от народнопоэтической, фольклорной системы изобразительно-выразительных средств в ранних поэмах к художественному наследию древнерусской литературы и к библейским источникам в поэмах зрелого и позднего периодов.

Для поэм Ю. Кузнецова 1970-х гг. характерна явственно выраженная фольклорная основа. Однако, в отличие от былинности поэмы С. На-

---

© Николаева С. Ю., Редькин В. А., 2024

ровчатова, от поэмы-легенды и сказки Н. Рыленкова, от стихотворного эпоса на песенной и частушечной основе О. Фокиной и Н. Старшинова (этого же периода), Ю. Кузнецов создает поэму-притчу. Опираясь на народнопоэтический символ, олицетворение, эпитет, Ю. Кузнецов как бы развертывает их или, напротив, обращаясь к сказочной и былинной фантастике, сворачивает ее до метафоры, до символа. Важно также, что, при сугубо современном прочтении традиционных образов, он не извращает их дух. Фольклор составляет важнейшую часть эпического мира Ю. Кузнецова, созданного на национальной основе. Опираясь на фольклорное наследие, поэт выражает «ведущую национальную идею» – «идею цельности» русского национального мира [6, с. 71].

Интересно сопоставить способы освоения богатств фольклора Ю. Кузнецовым и Н. Рубцовым, поэтами, близкими по национальной самобытности, но далекими по способам выражения. Фольклор входит в поэзию Рубцова органично и естественно, в его первоизданном виде, он растворен в стихе, это воздух его поэтики, это, скорее, не стилизация и цитирование, а обращение к ассоциативным рядам, ведущим к фольклорному мотиву, образу, тропу. Не случайно повторяется из одного стихотворения Рубцова в другое образ догнивающей на мели лодки, связанный в народной поэзии с любовной драмой. «Ивы кружевная тень» символизирует печаль, образ зеленого сада в лирической народной песне воплощает жизнь человека с ее радостями и печалью. Вот и появляются у Рубцова строки, утверждающие возможность положительного решения жизненной драмы, преодоления печали в форме иносказания: «Буду поливать цветы, / Думать о своей судьбе, / Буду до ночной звезды / Лодку мастерить себе».

В стихах Н. Рубцова не только в конкретно-предметном, но и в символическом значении используются образы солнца, луны и особенно звезды. При этом звезда – символ веры и счастья человека, его духовности – оказывается символом счастья Родины, духовности Руси. Ее свет горит «для всех тревожных жителей земли».

Ю. Кузнецов не только не растворяет фольклорный образ в своей поэзии, как, например, Н. Рубцов, но, напротив, делает его броским, ярким, строит на его основе метафору, наполняет его новым, современным содержанием. Так возникает в поэме «Дом» образ волшебного зеркала, преломляющего события истории. Так поэтизируется традиционная троица: «Три слова только у любви. А прочие излишек, Три раза женщину зови, А после не услышит...» [4, с. 193]. Если Ю. Кузнецов близко подходит к поэтике народной песни в поэме «Женитьба, или Похождения Чистякова» (1975, 1977) («Ты солнышком для батюшки стояла, Ты месяцем для матушки сияла, Как зеркало сестричек отражала»), то делает это в ироническом контексте и, используя традиционные строки, добивается философско-дидактического звучания их:

Вода выходит замуж за песок.
 Как тот песок без имени, без роду
 Перемешает голубую воду,
 На злат песке от голубой воды
 Останутся узорные следа [3, с. 90].

Образ фольклорного происхождения Ю. Кузнецов употребляет в ином, необычном для него контексте: «Носком он катит белое яйцо, Под пяткой пролетает самолет. Раздайся! добрый молодец идет!» – пишет в поэме «Женитьба». И самолет как бы переносит героя из его вековой давности детства в современность. Поэт мог в сборнике Афанасьева заимствовать «сюжет» о том, как герой сворачивает свое царство в яйцо и отправляется в путешествие. Этот сюжет превращается в метафору. Для Ю. Кузнецова характерны такие, например, субъективно трансформированные народные выражения: «Тело зачерпнуло сон, как воду решето», «за днями дни идут, как лист дрожит», танкист охвачен огнем, «как дом травой ползучей», и т.д. При этом сравнение у Кузнецова имеет, как правило, дополнительные оттенки, особую драматическую тональность: «Дрожит седая голова, / Как ветвь, с которой птица / В небесный канула простор, / А та еще трясется...».

На первый взгляд, здесь нарисован зрительный образ, но имеется и подтекст: ведь человеческая мысль срывается тоже как птица с ветки. Использует Ю. Кузнецов и так называемые отрицательные сравнения, свойственные народному творчеству: «Не мята пахла под горой, и не роса легла. Приснился родине герой, душа его спала».

Обновляет Ю. Кузнецов возможности широко используемых в фольклоре олицетворений. Так, в поэме «Дом» (1973) «равнину залпы черноты секли, толкли, мололи», «земля толклась. Живым скрипя, ходил накат землянки», «деревья бегут от ужаса» и т.д.

Часто метафоры имеют оценочный характер. Так, нашествие фашистов оборачивается символическим образом змеи, ползущей на родную землю, говорится о шипении заграницы. Новым дополнительным смыслом наполняет Ю. Кузнецов народную символику: туман, тень, дым, облако, дорожную пыль, огонь и т.д. Так, туман помимо указания на неопределенность, прозрачность явления приобретает определенное социально-нравственное значение: «две войны напустили тумана», слово «никогда» «для старости – скала, для юности – туман»; «в тумане дрогнувшей стопе опоры не найти». Через призму этого образа поэт определяет суть эпического мира: «Пространство эпоса лежит в разорванном тумане».

Широко использует Ю. Кузнецов постоянные эпитеты: *чужая сторона, белый свет, сырая земля, темные леса, честной народ, широкое чистое поле, высокое крыльцо, зеленое вино, добрый молодец, белое лицо* т. д.

От фольклора идет цветовая гамма поэзии. Впрочем, это не лишает ее индивидуальности. Так, в поэмах В. Фирсова преобладают светлые тона, связанные с образом русских берез, образом Родины, хотя представлена и гамма красных цветов – в ней воплощается тема борьбы. У Кузнецова более интенсивные цвета. Излюбленный его цвет – золотой: осень золотая, туман золотой, злат песок, золотые дни, златые кудри, золотая красота и т.д. Но это не украшающий цвет, а скорее, оценивающий. Серебристый цвет символизирует подделку под истинную красоту.

Ю. Кузнецов широко использует элементы композиции сказки, сказочного мотива выбора пути, испытания, поиска счастья и т.д. Он обращается и к таким жанрам фольклора, как заклинание, плач, лирическая песня и т.д. Подчас широкое обращение Ю. Кузнецова к фольклору принимается за «ограниченность художественных средств» [8, с. 7] в его поэзии. Конечно, это далеко не так. «Поэт обращается к фольклору как к народному самосознанию», – подчеркивает В. Кожин, – и именно в этом основа его эпического мышления. «Народная образность близка поэту, – справедливо подмечает другой критик. – Художественная правда у Ю. Кузнецова часто слагается из былин, легенд, реального и фантазии, сказки» [2, с. 90].

Сказочен сюжет «Золотой горы» (1974). Постигание истины жизни, искусства, поэзии воплощается в движении героя в сказочном пространстве Золотой горе, где «Мастера живут». В целом это аллегория, притча. Как в былинке, герой пробуждается от долгого сна, чтобы совершать предназначенные ему подвиги во имя Родины. Как в сказке, на пути лежит плита с начертанными на ней древними и мудрыми письменами, хотя они в поэме в силу особой философской концепции мира, предлагаемой автором, звучат иначе, чем в народном эпосе: «Направо смерть, налево скорбь, а супротив любовь». В путешествии по трем великим дорогам мира каждого подстерегают невероятные встречи и препятствия. По сути дела, это одна развернутая метафора, воплощающая путь молодого поэта к истинному искусству, высокому творчеству, которое только и нужно Родине, народу («Приснился родине герой...»). Сказочные странствия придают замыслу эпический размах: грандиозны задачи, стоящие перед современным художником. Здесь несомненно влияние не только фольклорных мотивов, но и такого жанра древнерусской литературы, как «хождение»: «Что вечного нету – что чистого нету. / Пошел я шататься по белому свету. / Но русскому сердцу везде одиноко... / И поле широко, и небо высоко».

Традиционный мотив выбора пути на перекрестке трех дорог перед заветной плитой позволяет автору подчеркнуть сказочно трудную задачу, стоящую перед поэтом на пути к вершинам искусства. Бели сказочный герой выбрал одну дорогу из трех, то поэт должен пройти до

конца все три, столкнуться с чудесами и миновать многие искушения. Некоторым критикам не по душе пришлось романтически утрированное утверждение поэта, что слишком долго длилось безвременье и старые мастера канули в вечность, не дождавшись своего преемника, что «навекі занемог торжественный глагол». Но разве не прав поэт, утверждая, что «Высокого чертога недостойны Певцы своей узды, И шифровальщики пустот, И общих мест дрозды».

Фольклорная образность лежит в основе поэмы «Женитьба», которую автор называет иронической. Впрочем, к концу произведения усиливается драматизм и появляется вполне серьезная интонация. И здесь в основе сюжета лежит сказочное путешествие героя. Образ Чистякова подобно былинному богатырю гиперболичен. Автор использует фольклорные принципы типизации: он необычайно красив, удал, силен. Ему тесно окружающее пространство: «На золотую зарясь красоту, Ломают шеи птицы на лету», «Он на крыльцо высокое ступает. Крыльцо в сырую землю утопает». Финал поэмы сближается с образной системой и опытом лирической народной песни.

Без радости ты ленту повязала,
Без сладости ты губы искусала,
Куда глядит победная краса?
Она глядит за темные леса.
Одна слеза за гору покатилаь,
Другая из-за лесу воротилаь
И молодца с собою принесла...

Поэма-притча Ю. Кузнецова «Змеи на маяке» (1969, 1978) написана по мотивам одного из рассказов Б. Белова. Однако реалистические подробности, психология характеров поэта не интересуют. Мир прочитывается метафорически, с тем, чтобы подчеркнуть романтически заостренное его несовершенство, сложную диалектику взаимоотношений добра и зла: борются свет и тьма, «воля к поэзии и воля к власти». Для поэмы-притчи Ю. Кузнецова характерна не только романтическая трансформация времени и пространства, но и, если воспользоваться выражением М.М. Бахтина, особая «фольклорно-сказочная свобода человека в пространстве». Так, герой «Золотой горы» (1974) «косым лучом насквозь прошел простор и пустоту», а разудалый добрый молодец из поэмы «Женитьба» может моментально оказаться в любой точке земного шара: «Блестящая пылью удалого следа, бежал герой, меняя части света, как гордая красавица перчатки».

Структура поэмы Ю. Кузнецова во многом своеобразна и неповторима, однако романтическая природа его таланта, трансформация мира, а подчас и перенесение событий в условное время и пространство вовсе не ведут к отказу от изображения национальной по своей сути сферы жизни,

отходу от социально-исторического мышления. Не случайно Ю. Селезнев подчеркивал, что вообще вся поэзия Ю. Кузнецова близка к эпосу «по своей внутренней устремленности, по духу и смыслу», что это как бы «единая поэма» [7, с. 224].

На упреки Ю. Кузнецова в «вязкой, переусложненной, нарочито спутанной символике» [9, с. 167]. можно ответить словами того же критика: «Да, мир Ю. Кузнецова сложен, многопланов. Но это не авторская нарочитая усложненность, это поэтическое отражение реального состояния мира» [7, с. 223].

Близкая в стилевом плане Ю. Кузнецову поэзия А. Вознесенского с ее усложненностью, метафоричностью, экспрессией имеет прямо противоположное отношение к фольклору. Как особая сибирская экзотика воспринимаются элементы народной поэзии в его поэме «Мастера» (1959). Это, скорее, «почва в поисках нового современного стиля», чем эстетически выверенная традиция: «Холод, хохот, конский топот да собачий звонкий лай. / Мы, как дьяволы, работали, а сегодня – пей, гуляй! / Гуляй! / Девкам юбки заголяй!»

Впрочем, он порой так трансформирует фольклорные мотивы, вносит в них столько своего личного, субъективного, что фольклорный источник образа можно обнаружить лишь с трудом. Так, в поэме «Авось» (1970) сказочные мотивы выбора (лево – право) и трех желаний

...принесите бокалы силезские
из поющего хрусталя,
ведешь влево – поют «Марсельезу»,
ну а вправо – «Храни короля»,
принесите три самых желания,
что я прятал от жен и друзей,
что угрюмо отдал на заклятие
авантюрной планиде моей!.. [1, с. 235].

ставятся в контекст ультрасовременного модернистского взгляда на мир через «трубу подзорную под названием «унитаз»: «Если глянуть в ее окуляры, Ты увидишь сквозь шар земной Трубы нашего полушария, Наблюдающие за тобой» [Там же, с. 236]. Модернистский подход к фольклорным источникам разрушает цельность и целостность поэмы как жанра.

Следование фольклорной традиции – один из путей достижения подлинной народности, выражения национального духа, создания эпических по сути произведений и воплощения глубокого лиризма. Ю.П. Кузнецову как автору поэм в 1970–1980-е гг. «прикосновение к вечным темам и острейшим конфликтам времени, трезвость взгляда и романтический порыв, взлет фантазии, обращение к средствам фольклора – сказке, легенде – все это должно было помочь постижению глубины жизни, мира,

бытия» [6, с. 71]. В более зрелые годы он обратится и к другим источникам творчества – к сокровищнице древнерусской словесности и к глубинам Библии.

Список литературы

1. Вознесенский А. Витражных дел мастер. Москва: Молодая гвардия, 1976. 336 с.
2. Зайцев В. А. Индивидуальные стили и стилевые течения в русской советской поэзии 60-х гг. Москва: Московский государственный университет, 1973. 116 с.
3. Кузнецов Ю. Ни рано, ни поздно. Стихи и поэмы. Москва: Молодая гвардия, 1985. 96 с.
4. Кузнецов Ю. Стихи. Москва: Советская Россия, 1978. 224 с.
5. Николаева С. Ю., Редькин В. А. «Как хороши, как свежи были танки...» (жанровое своеобразие поэмы А. А. Проханова «Алеюший восток») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3 (74). С. 62–78.
6. Николаева С. Ю., Редькин В. А. Традиции А. А. Блока в поэзии Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 68–77.
7. Селезнев Ю. И. Мысль чувствующая и живая. Москва: Современник, 1982. 336 с.
8. Чепкунов В. Край света – за первым углом // Литературная газета. 1976. 17 ноября. С. 7.
9. Чупринин С. До последнего края // Дон. 1981. № 8. С. 166–177.

FOLKLORE SOURCE IN THE YU. P. KUZNETSOV'S POEMS OF THE 1970s

S. Y. Nikolaeva, V. A. Redkin

Tver State University, Tver

The article examines the originality of the manifestation of folklore in the poems of Yu. P. Kuznetsov 1970s. the differences in the poetics of folklorism of Yu. P. are revealed. Kuznetsov from the genre and style features of the poems by S. Narovchatov, N. Rylenkov, N. Starshinov, O. Fokina, N. Rubtsov, A. Voznesensky of the same period. It is argued that following the folklore tradition is one of the ways to achieve true nationality, express the national spirit, create essentially epic works and embody deep lyricism. The modernist approach to folklore sources destroys the integrity and integrity of the poem as a genre. It is concluded that in the process of creative evolution of Yu. P. Kuznetsov moved from the folk poetic, folklore system of visual and expressive means in early poems to the artistic heritage of ancient Russian literature and to biblical sources in poems of the mature and late periods.

Keywords: *Yu. P. Kuznetsov, S. Narovchatov, N. Rylenkov, N. Rubtsov, A. Voznesensky, folklore, folklorism in literature, poem, Russian poem of the 1970s.*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

About the authors:

NIKOLAEVA Svetlana Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.08.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.